

Пишем сочинения по

“ Слову

о

полку Игореве”

Пишем сочинения по
«Слову о полку Игореве»

Содержание

Открытие «Слова»	4
Время написания и историческая основа «Слова»	10
Идея «Слова»	19
Сюжет и композиция «Слова»	27
Стиль, жанр и язык «Слова»	34
Образы «Слова»	47
Плач Ярославны	55
Художественные достоинства «Слова»	56
Отличие «Слова» от летописной повести	69
Личность автора «Слова»	75
Заключение	80

Открытие «Слова»

В 1795 году московский любитель старины, коллекционер граф А.И. Мусин-Пушкин, купил у бывшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоиля большой рукописный сборник, в котором вместе с другими легендарно-повествовательными, историческими произведениями и русскими летописями (не старше XV века) находился и не известный до этих пор ученым древнерусский литературный памятник, озаглавленный: «Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославля, внука Ольгова» («словом» в XI—XII веках назывались произведения ораторского жанра, преимущественно церковные проповеди).

Написанная, как все древнерусские рукописи, сплошной строкой, без расчленения букв на слова, с большим количеством ошибок переписчиков, вновь открытая рукопись на древнерусском языке (с элементами живого, народно-поэтического и литературного, книжного языка) представляла большие трудности для ее прочтения и копирования.

Первое печатное сообщение о «Слове» сделал историк Н.М. Карамзин. Он высоко оценил художественное значение памятника и указал, что поэма написана неизвестным русским автором в конце XII века.

Заметкой Карамзина положено было начало научной литературе о «Слове о полку Игореве».

В том же 1797 году для Екатерины II снята была копия «Слова», написанная писарским почерком. Мусин-Пушкин в сотрудничестве с А.Ф. Малиновским и Н.Н. Бантыш-Каменским приступил к подготовке перевода и издания «Слова». Издание это вышло в 1800 году.

В 1812 году, во время нашествия французов, московский дом Мусина-Пушкина на Арбатской площади сгорел; погибла вся его замечательная библиотека, в том числе и единственный известный список «Слова о полку Игореве», а также большинство экземпляров издания 1800 года.

Текст екатерининской копии и издания 1800 года несходны в деталях; это свидетельствует о том, что эти копии не вполне точно передают текст утраченной рукописи «Слова». Да и сгоревший сборник, написанный, по-видимому, в Псковской земле в конце XV или начале XVI века, был копией, отдаленной от оригинала «Слова» тремя столетиями; между мусин-пушкинским списком и оригиналом «Слова о полку Игореве» лежит ряд звеньев — списков. А древнерусские переписчики делали не только механические, случайные ошибки; они и сознательно меняли текст своего оригинала, кое-что добавляли, кое-что толковали по-своему, поясняли, сокращали, заменяли старые непонятные им слова и выражения новыми.

Таким образом, до нас дошел текст «Слова о полку Игореве» с большим количеством искажений, сделанных рядом поколений древнерусских переписчиков, отчасти также копиистами и редакторами издания 1800 года.

Русские ученые XIX—XX веков много потрудились над расшифровкой, исправлением и истолкованием неясных и испорченных мест в тексте «Слова», и все же спорных и темных мест осталось в тексте немало и до нашего времени.

Вскоре после обнаружения «Слова» стали раздаваться голоса скептиков, подвергавших сомнению подлинность памятника, полагавших, что он относится не к XII, а к XIII—XIV векам. Слишком уж резко выделялось «Слово» своим сюжетом и стилем на фоне древнерусских памятников церковной книжности XII века.

Пушкин в беглой заметке 1836 года дал горячую и решительную отповедь этим скептикам. «Подлинность же самой песни, — писал он, — доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в XVIII веке мог иметь на то довольно таланта?»

Последующие научные разыскания исчерпывающе доказали, что «Слово о полку Игореве» написано современником излагаемых событий (1185—1187 годы). Отдельные, более или менее близкие к тексту «Слова» заимствования из него обнаружены были в ряде преимущественно псковских памятников.

С. Бугославский

Высшим идейно-художественным достижением древней русской литературы Киевского периода является «Слово о полку Игореве», т. е. повествование о походе Игоря.

Рукопись этого замечательного памятника была найдена случайно и случайно же погибла. В 1795 г. любитель старины граф А.И. Мусин-Пушкин приобрел в Спасо-Ярославском монастыре старинный сборник, в котором наряду с известными уже произведениями древней русской литературы находилось и неизвестное тогда «Слово о полку Игореве». В 1800 г. в сотрудничестве с историком Н.Н. Бантыш-Каменским и филологом А.Ф. Малиновским, подготовившими перевод и объяснение «Слова», Мусин-Пушкин напечатал его (параллельно с переводом).

Вскоре после находки памятника рукопись «Слова» была переписана для Екатерины II, но копия эта затерялась в бумагах императрицы и была впервые напечатана академиком Пекарским лишь в 1864 г.

Между тем в московском пожаре 1812 г. сгорел дом Мусина-Пушкина, и единственная рукопись «Слова» погибла вместе с большей частью тиража первого ее издания.

Таким образом, подлинный текст «Слова» до нас не дошел; имеется лишь текст издания 1800 г. и текст так называемой «екатерининской» копии.

Оба эти текста весьма несовершенны. Первые исследователи «Слова» работали в то время, когда палеография (наука о старинных рукописях) была развита еще очень слабо, и древнерусский язык был изучен мало. Текст рукописи, не имевший знаков препинания и пробелов между словами, сотрудники Мусина–Пушкина прочли в некоторых местах неправильно. Поэтому как в печатном издании 1800 г., так и в «екатерининской» копии оказалось много ошибок.

Ошибки переписчиков и ошибки первых издателей привели к тому, что некоторые места памятника остались непонятными, «темными» до сих пор. Однако главные особенности его содержания совершенно ясны, и достоинства его художественной формы общепризнаны.

А. Кайев

Известный любитель и собиратель русских древностей, граф А.И. Мусин–Пушкин, в 1791 году был назначен обер–прокурором Святого Синода. Вместе с этой должностью в его ведение отходили церковные и монастырские книгохранилища. И вот в 1795 году один из комиссионеров графа приобрел у архимандрита Спасо–Ярославского монастыря Иоила хронографический сборник с весьма интересно подобранными памятниками. Среди сказаний о «Синагрипе, царе Адоров, Иналивские страны», «Филипате и Максиме и о храбрости их», «Свадьбе Девгееве и о восхищении Стратиговне» находился и памятник: «Слово о полку Игореве, Игоря сына Святослава, внука Ольгова». Вскоре после находки была снята копия со «Слова» и передана императрице Екатерине II, а в 1800 году появилось печатное издание памятника, над которым работал его владелец с помощью своих ученых друзей — А.Ф. Малиновского и Н.Н. Бантыш–Каменского.

У первых издателей не было правильной подготовки к чтению и критическому разбору рукописей. Кроме того, само «Слово» было трудно для чтения: писано оно было без разделения слов, без знаков препинания. Начертания многих букв также смущали издателей, и в печатном издании они часто не были уверены в правильном чтении слов, поэтому в Екатеринбургской копии те же слова прочтены ими иначе. Следует упомянуть и о неизвестных и вышедших из употребления словах, раскрытие смысла которых тщетно добивались издатели.

Поэтому первое издание вышло далеко не безупречным в палеографическом отношении. Недостаток этот, конечно, можно было бы

поправить вторичным анализом текста, но московский пожар 1812 года истребил дом графа Мусина–Пушкина со всеми его драгоценностями. В том числе погиб хронограф, содержавший «Слово», и большая часть его печатных экземпляров.

Если «Слово о полку Игореве» своей оригинальной поэзией, которой, казалось, не было ничего подобного во всей русской литературе, обратило особое внимание тогдашнего общества, то, после гибели оригинала интерес к нему возрос чрезвычайно. Наряду с увлечением памятником раздались и сомнения в его подлинности. Некоторые скептики не только относили время его возникновения к более поздней эпохе, но даже были склонны заподозрить в сочинительстве самого графа Мусина–Пушкина.

Споры защитников и противников породили обширную литературу, которая до конца 40–х годов XIX века можно определить как защитительную и критико–филологическую.

Защитительная литература доказывала, что «Слово» — памятник, не одиноко стоящий в русской литературе. В летописях, разных записях нашлись целые фразы, складом и тоном напоминающие «Слово». Еще более веское подтверждение его подлинности было найдено в сильном и безусловном влиянии этого памятника на «Сказание о Мамаевом побоище», — историческое повествование, которое во многих местах перебито парафразами «Слова».

Что касается литературы критико–филологической, то она основывалась на разборе грамматических и лексических особенностей «Слова».

С середины XIX века всякий скептицизм по отношению к «Слову» отпадает, благодаря находке произведения, стоящего в ближайшем отношении к погибшему памятнику. В.М. Ундольский в 1852 г. купил рукописный сборник, в котором оказалось так называемое «Поведание» рязанца Софония, другой памятник о Куликовской битве, — песнь, написанная с сохранением плана и большинства буквальных выражений «Слова».

Список Ундольского относился к XVII веку, но вскоре то же «Поведание» было найдено в более раннем списке, XV века, в библиотеке Кирилло–Белозерского монастыря. Этот второй список, будучи также весьма близким к «Слову», доказывает, следовательно, что оно было известно уже в XV веке.

С. Шамбинаго

Полное заглавие этого замечательного памятника древнерусского поэтического творчества таково: «Слово о полку Игореве, Игоря Святославля, внука Ольгова», что в переводе на современный русский язык значит: «Слово (повесть) о походе Игореве, Игоря Святославича, внука Олегова».

Единственная уцелевшая рукопись «Слова» была случайно открыта в конце XVIII века графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным, президентом Академии Художеств, известным в то время любителем и собирателем национальных древностей. Он нашел ее в коллекции древних книг и рукописей, приобретенной у обедневшего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря. «Слово» было написано в конце летописи, на лощеной бумаге, довольно чистым письмом. По почерку и по бумаге граф отнес всю рукопись к концу XIV или к началу XV века.

Как только весть об этой драгоценной находке распространилась в образованных слоях русского общества, с рукописи тотчас же была сделана рукописная копия для императрицы Екатерины II, которая одна из первых заинтересовалась древнерусским поэтическим памятником. Эта копия в 1861 году была найдена в ее бумагах академиком Пекарским, а затем и издана.

Карамзину принадлежит честь первого оповещения всего культурного мира о важном открытии, проливающим свет на историю древнерусской поэзии. Уже в 1797 году появилась его статья в октябрьской книжке гамбургского журнала. Карамзин писал: «Эту песнь можно сравнить с лучшими Оссиановскими поэмами. Она написана в XII столетии. Слог, исполненный силы, чувства высочайшего героизма; разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинство сей поэмы».

В рукописи не было ни выдержанного правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов. Так как это был не оригинал поэмы, а только одна из позднейших копий, то в нее вкралась масса описок, искажений. Графу Мусину-Пушкину пришлось несколько лет провести над разбором «Слова» и его переводом на современный русский язык. Работа была очень кропотливая, но Алексей Иванович блестяще с ней справился.

Печатание «Слова» происходило при ближайшем участии Малиновского и Бантыш-Каменского. Первое издание памятника вышло в Москве в 1790 году.

В 1812 году, во время пожара Москвы, единственная рукопись «Слова» погибла в огне.

Одно время отрицали подлинность «Слова», видели в нем только искусную подделку, хотя достаточно лишь раз прочесть это произведение, чтобы убедиться, что оно — плод огромного поэтического дарования, какого граф Мусин-Пушкин не имел. Известный историк Шлецер после внимательного изучения «Слова» признал подлинность памятника.

В течение XIX века «Слово» было предметом серьезных исследований многих русских ученых, и в настоящее время литература этого

памятника составляет уже целое собрание многотомных трудов, на корешках которых значатся такие имена, как Карамзин, Шишков, Востоков, Максимович, Барсов, Смирнов, Потебня, Миллер и др.

Н. Григорьев

В древнерусской литературе нет памятника более интересного по содержанию, по форме и значению, чем «Слово о полку Игореве».

Своим художественным изложением, живым, чрезвычайно образным языком, оригинальной темой и удивительным сочетанием реализма с идеалистическим настроением автор освещает целую эпоху народного творчества, позволяет разглядеть и уяснить характер тех поэтических мотивов, идеалов и настроений, какими жила древняя Русь.

В. Засимович

«Слово о полку Игореве» было найдено в 1795 г. графом А.И. Мусиным-Пушкиным в открытой им рукописи XVI века. В 1797 г. в Гамбургском журнале была помещена следующая заметка: «Быть может вас очень удивит, что в наших архивах два года назад найден отрывок поэмы, озаглавленный: «Песнь о воинах Игоря», отрывок, который можно поставить на ряду с самыми лучшими отрывками Оссиана... Энергичный стиль, чувства возвышенного героизма, потрясающие образы — вот достоинства данного фрагмента».

В 1800 г. «Слово» было издано Мусиным Пушкиным, а когда в 1812 г. во время московского пожара подлинная рукопись сгорела, исследователи поэмы были поставлены в очень неблагоприятные условия, потому что издание «Слова» Мусиным Пушкиным было выполнено без достаточных критических приемов. Отсюда — ряд темных мест в тексте «Слова», еще не совсем разобранных его исследователями. Неясность эта объясняется еще и тем, что, написанное в конце XII века, «Слово» при переписывании подвергалось искажениям. Таким образом, в текст вкралось значительное количество описок и ошибок, иногда совершенно затемняющих мысль автора.

Можно предположить, что «Слово» было известно древним русским книжникам, так как его идейное и формальное влияние отразилось в произведениях русской литературы XIV–XVI веков. К произведениям, в которых заметно влияние «Слова», относятся: «Задонщина», «Слово о великом князе Димитрии Ивановиче и брате его князе Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю» и «Сказание и Поведание о побоище великого князя Димитрия Ивановича Донского».

Научная разработка «Слова о полку Игореве» в XIX веке вызвала ряд литературных переводов, принадлежащих перу известных русских и

западно-европейских поэтов, и, кроме того, текст его был взят композитором Бородиным в качестве либретто для оперы «Князь Игорь».

В. Оголевец

«Слово о полку Игореве» справедливо признается лучшим произведением киевского периода и вместе с тем всей древнерусской литературы.

Пользовавшееся широкой известностью в древней Руси, новой русской науке оно стало известным в конце XVIII века. В 1795 г. один из образованных собирателей памятников старины, А.И. Мусин-Пушкин, приобрел в г. Ярославле рукописный сборник, в котором содержалось шесть произведений. Пять из них были уже известны науке, а одно оказалось новым. Это было «Слово о полку Игореве».

Значение вновь открытого памятника литературы сразу было понято и оценено. Им заинтересовались ученые-литературоведы и историки. Об открытии его, как о большом событии, писал в журналах известный писатель и историк Н.М. Карамзин. Екатерина II приказала изготовить ей копию произведения. Владелец рукописи А.И. Мусин-Пушкин поспешил издать, т. е. напечатать, найденный памятник. Издание вышло в 1800 г. Дальнейшая судьба найденной рукописи сложилась трагически. В Отечественную войну 1812 года, во время пожара Москвы, занятой французами, сгорел дом Мусина-Пушкина и в нем его богатое собрание древних рукописей. Погиб и сборник, в котором содержалось «Слово о полку Игореве». Это был единственный древний список произведения. После его гибели остались лишь копия, сделанная для Екатерины II, и первое печатное издание 1800 года.

О гибели списка произведения приходится особенно сожалеть потому, что в XVIII веке, когда делалась копия произведения и готовилось его печатное издание, еще не умели вполне правильно читать трудные древнерусские рукописи, писавшиеся часто без знаков препинания и даже без разделения слов. В копию и в печатный текст вкрались ошибки. Проверить их теперь, за отсутствием подлинной рукописи, невозможно, исправлять можно лишь по более или менее обоснованным догадкам.

А. Зерчанинов, Н. Порфиридов

Время написания и историческая основа «Слова»

Время написания «Слова о полку Игореве» определяется следующими датами: «Слово» написано при жизни князя Игоря (умер в 1202 году), который назван «нынешним», и великого князя киевского Святослава (умер в 1193 году). «Слово» упоминает как живых и Ярослава Ос-

момысла, умершего в 1187 году, и Владимира Глебовича, князя переяславского, умершего во время похода на половцев, 18 апреля 1187 года.

Итак, написание «Слова» датируется, примерно, между 1185 и 1187 годами.

Существует гипотеза, что поэма создалась в два приема: первая, трагически-мрачная, часть, содержащая призыв к объединению князей и помощи их Святославу киевскому, замышлявшему новый поход на половцев, заканчивалась «Плачем Ярославны»; она написана летом 1185 года; вторая, ликующе-радостная, — в конце 1187 года, после возвращения из плена Владимира Игоревича.

Сюжетом «Слова о полку Игореве» является исторический факт: неудачный поход на кочевников половцев Новгород-северского князя Игоря Святославовича совместно с его братом Всеволодом из Трубчевска, юным сыном Владимиром из Путивля и племянником Святославом Ольговичем из Рыльска; поход этот был совершен в конце апреля и начале мая 1185 года.

Борьба с половцами становится в эти годы особенно интенсивной. В 1184 году, после нашествия на русские области половецкого хана Кончака, великий князь киевский Святослав Всеволодович, двоюродный брат Игоря и Всеволода Святославовичей, собирался в степь на половцев со своими старшими родичами, но сначала в поход пошли только младшие князья; за ними летом выступили и старшие. Поход окончился победой русских князей; хан Кобяк и другие половецкие князья были взяты в плен.

Игорь Святославович новгород-северский отправился на половцев самостоятельно, независимо от старших князей. Весной 1185 года он углубился в половецкие степи. Сначала военная удача была на его стороне, но затем он потерпел поражение; все князья, участники этого похода, попали в плен к половцам. Игорь бежал из плена в том же 1185 году, а сын его Владимир вернулся из плена осенью 1187 года с женой, дочерью хана Кончака.

Походу Игоря и его военной неудаче современниками было придано большое значение как нарушению общего плана борьбы с половцами, дробившему военные силы в то время, когда князьям необходимо было объединение, для того чтобы нанести решающий удар врагу, мешавшему созданию русского национального государства.

С. Бугославский

Поход Игоря на половцев, послуживший сюжетом «Слова», был предпринят в 1185 г., во время углублявшегося распада недавно могу-

чей Киевской Руси. Два бедствия губили ее: княжеские междоусобицы и половецкие набеги. При Владимире Мономахе княжеские «крамолы» почти прекратились, но после его смерти вспыхнули с новой силой: разгорелась борьба между «Мономаховичами» и «Ольговичами».

Пользуясь внутренним ослаблением русской княжеской власти, половцы ко второй половине XII в. стали снова появляться на Руси. Заботясь только о собственной силе и славе, князья часто забывали об интересах народа и государства: в борьбе друг с другом за лучший «удел» они иногда сами призывали половцев к себе на помощь. Между тем только совместными, объединенными силами феодальная Русь могла бороться с нависшей над нею угрозой. Такого сплочения сил добивался Владимир Мономах, который «черпал воду из синего Дона своим золотым шлемом», т. е. заходил в глубь половецких степей. Но в дальнейшем добиться взаимной договоренности князей становилось все труднее, и походы на половцев предпринимались реже, чем нашествия половцев на Русь.

Однако в 1183 г. южнорусские князья во главе со Святославом Киевским (и с помощью дружины, присланной Ярославом Галицким — Осмомыслом) совершили против половцев удачный поход. Отогнав кочевников за пределы русских земель, забрав много пленных и добычи, они в следующем году со славой вернулись на родину и стали готовиться к новому походу. В 1185 г. новгород-северский князь Игорь Святославич с родственниками, не участвовавшими в походе 1183 г., отправился в самостоятельный поход, не предупредив об этом великого Киевского князя Святослава. Поход Игоря, после первой удачи завершившийся тяжелым поражением русских, описан и в летописи, и в «Слове о полку Игореве».

А. Кайев

Можно определить точно, когда было сложено «Слово». Данные для этого можно почерпнуть из самой песни.

В своем воззвании великий князь киевский Святослав обращается к галицкому князю Ярославу Осмомыслу и к переяславскому князю Владимиру Глебовичу с просьбой ополчиться вместе с ним на врагов Русской земли. Эти князья умерли в 1187 году. Следовательно, «Слово о полку Игореве» не могло быть написано позже 1187 года, ибо князь Святослав обращался к ним, когда они еще были живы.

Далее в «Слове» есть указание, что его автору известно о возвращении Владимира Игоревича из половецкого плена — Владимир Игоревич вернулся на родину в 1187 году; следовательно, автор не мог сложить свою песнь раньше этого года. Слава, пропетая князю Вла-

димиру Игоревичу в конце «Слова», подтверждает то, что песнь в честь Игоря сложена по возвращении из плена и его сына.

Таким образом, можно прийти к заключению, что «Слово о полку Игореве» создано в 1187 году.

Это высокое поэтическое произведение в течение шести веков почти никому не было известно и лишь в 1795 году открыто известным собирателем и любителем древнерусских рукописей графом А.И. Мусиным–Пушкиным. Памятник обратил на себя внимание тогдашних любителей произведений нашей древней литературы. В числе первых им заинтересовалась Императрица Екатерина II, и, по ее желанию, была снята копия с найденной рукописи.

В 1800 году граф Мусин–Пушкин, при содействии тогдашних московских ученых Малиновского и Бантыш–Каменского, издал по рукописи текст «Слова» под таким заглавием: «Ироическая песнь о походе на Половцев удельного князя Новгорода–Северского, Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие». К тексту были приложены перевод, примечания и родословная таблица князей, упоминаемых в произведении.

Многие тогда с восхищением приветствовали появление «Слова». Однако некоторые ученые отнеслись к нему с недоверием, подозревали подлог. Но изучение древнерусского языка шло вперед; язык «Слова» сравнивали с языком других памятников, и, наконец, все стали признавать, что «Слово» есть памятник, современный тем событиям, которые в нем изображаются, т. е. событиям XII века.

В 1812 году, при нашествии французов, во время страшного пожара в Москве, сгорела вся библиотека графа Мусина–Пушкина в его доме; погибла здесь и драгоценная рукопись «Слова». В настоящее время мы имеем первое издание рукописи и рукописную копию с нее для Императрицы Екатерины II.

Язык рукописи XII столетия искажен позднейшими переписчиками. «Слово» написано на древнем русском языке, но в нем встречаются и церковно–славянские слова и формы. Некоторые места «Слова» темны, непонятны. Может быть, такими они были и в сгоревшей рукописи, а, быть может, первые издатели не вполне правильно их прочитали. Едва ли возможно все погрешности печатного текста отнести к неисправностям самой рукописи. Несомненно, первые издатели с любовью и весьма добросовестно потрудились над оригиналом «Слова» при его издании. Но гр. Мусин–Пушкин со своими помощниками, по собственному его признанию, с трудом разбирал некоторые места рукописи и,

конечно, мог впасть в ошибки. В то время палеография (наука о древних рукописях) была еще несовершенна; чтение древних рукописей было еще затруднительным. Разобрать рукопись «Слова» было чрезвычайно трудно, потому что не было ни строчных знаков, ни разделения слов, ни знаков препинания; в числе слов было много неизвестных по своему значению и к началу XIX столетия уже вышедших из употребления. Приходилось, прежде всего, делить поэму на периоды, на отдельные предложения. В рукописи XVI века могли быть и невольные ошибки, и поправки малосведущих переписчиков и описки.

Появление этого замечательного памятника в печати пробудило в ученном мире необычайный интерес. Карамзин ввел «Слово» в свою «Историю Государства Российского», где поместил и разные примечания, которые положили начало исторической критике этой песни. С того времени стали высказывать самые разнообразные суждения, и ученые часто расходятся в объяснении малопонятных мест. Ни одно дошедшее до нас из глубины веков произведение древнерусского поэтического творчества не возбуждало такого постоянного внимания и интереса наших ученых, поэтов, писателей, как «Слово о полку Игореве». Появился целый ряд изданий, исследований, объяснений и переводов в прозе и стихах.

Многие с большим увлечением посвящали изучению этого памятника годы и даже десятки лет. Так, Майков занимался им 8 лет, Грамматин 15, князь Вяземский 30 лет, а профессор Киевского университета Максимович около 40 лет.

Интерес к этому великому национальному памятнику не ослабел и до наших дней.

В. Пузицкий

Открытием рукописи «Слова» русская наука обязана графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, известному любителю и собирателю отечественных древностей, президенту Академии Художеств. Для собирания рукописей он учредил особых комиссионеров, которым поручил тщательно знакомиться с книжными лавками, книгохранилищами монастырей и других учреждений и приказал щедро платить за книги. Один из таких комиссионеров приобрел для Мусина-Пушкина и ту рукопись, в которой заключалось «Слово о полку Игореве». Это было в 1795 году. Об этом приобретении Мусин-Пушкин пишет: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности. По уничтожении штата остался он в том монастыре до смерти своей. В

последние годы находился в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих, в одной, под № 323, под названием «Хронограф», в конце найдено «Слово о полку Игореве». В этой книге заключалось восемь различных произведений древней литературы; «Слово» занимало между ними пятое место. Рукопись эта была писана в лист, на лощеной бумаге и довольно чистым почерком, который, по мнению ученых, можно было отнести к концу XIV или началу XV века; некоторые же думают, что она принадлежит к XVI веку. Таким образом, «Слово о полку Игореве», произведение XII века, дошло до нас не в оригинале, а в позднейшем списке XIV–XV вв.

Почерк рукописи был во многих местах крайне неразборчив; не было пунктуации, т. е. разделения слов, так как все слова, по принятому в то время обычаю, писались связно, в строку; кроме того, язык «Слова», в основе своей древнерусский, был искажен в некоторых своих местах позднейшими переписчиками, которые, не понимая какого-нибудь слова или выражения, уже устаревшего для их времени, неправильно переписывали его и тем самым окончательно затемняли смысл отдельных мест оригинала. Если прибавить к этому, что и сам Мусин-Пушкин со своими помощниками, несмотря на любовь и серьезное отношение к памятникам старины, был мало подготовлен к чтению и разбору древних рукописей, то станет понятным, какие трудности возникли перед ним при издании «Слова». Важно отметить, что палеография (наука, занимающаяся разбором древних рукописей) была в то время (в конце XVIII в.) еще далеко не совершенна, и чтение древних рукописей крайне затруднительно. Поэтому ни добросовестное отношение первых издателей к делу прочтения рукописи «Слова», ни желание возможно точнее истолковать памятник не уберегли первых издателей от досадных, но понятных в их положении, ошибок и неточностей. Уже в рукописи «Слова» встречалось много ошибок и неясных выражений, которые появились вследствие непонимания отдельных древних слов самими добросовестными переписчиками, желавшими списать памятник, по возможности, точно; сюда прибавились ошибки, допущенные издателями.

Только спустя пять лет после открытия памятника, а именно в 1800 году, удалось выпустить в свет первое печатное издание «Слова», в количестве 200 экземпляров, под заглавием «Ироическая (героическая) песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославовича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие.

В 1812 году, при нашествии французов, во время страшного московского пожара, сгорела вся богатейшая библиотека Мусина-Пуш-

кина; в огне погибла также и драгоценная рукопись «Слова». Осталось лишь несовершенное печатное издание Мусина–Пушкина и копия со списка, сделанная от руки для императрицы Екатерины, заинтересовавшейся памятником. Эта, так называемая, «Екатерининская» рукопись дошла до нас; она служит, вместе с изданием Мусина–Пушкина, единственным источником нашего знакомства с замечательным литературным произведением и составляет прочное основание для научных исследований, заменяя рукопись.

Появление такого выдающегося памятника сразу обратило на него внимание всех любителей и исследователей старины. Высота поэтического замысла «Слова», живые и яркие образы, возвышенный строй речи, — все это показалось многим критикам до того необыкновенным, что навело на сомнения в его подлинности. Некоторые знатоки и собиратели древнерусской старины, признавая несомненные высокохудожественные достоинства «Слова», не могли, в то же время, не усомниться в древности его происхождения и выдвинули вопрос о подложности.

Но были и сторонники иного толкования этого памятника. Так, Н.М. Карамзин вскоре после находки «Слова» поместил в одном журнале следующую заметку: «...два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: «Песнь Игоревых воинов», которую можно сравнить с лучшими Оссиановскими поэмами и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем. Слог, исполненный силы, чувства высочайшего героизма, разительные изображения, почерпнутые из ужасов природы, составляют достоинства сего отрывка...».

Такой взгляд на «Слово» разделяли многие современники Карамзина. С несомненной очевидностью подлинность «Слова» была ими установлена и подтверждена множеством фактов и научных изысканий, среди которых решающее значение имела находка второй половины XIX века литературного произведения, подлинно и несомненно принадлежащего XV веку, под названием «Задонщина». В нем автор, воспевая поход Димитрия Донского на татар, слепо подражает автору «Слова» и во многих случаях с буквальной точностью повторяет отдельные выражения и обороты «Слова».

Разработка и исследование памятника тянется вплоть до наших дней. Существует целое направление в литературе, представляющее ряд изданий, исследований, объяснений и переводов «Слова» в прозе и стихах.

В. Засимович

В результате всестороннего изучения «Слова о полку Игореве» подавляющее большинство ученых пришло к выводу, что «Слово» писано в конце XII в., по всей вероятности, в 1187 г.

Начиная с XI и до конца XII в., когда было написано «Слово», Киевская Русь страдала от двух основных бедствий. Одним из них были княжеские междоусобицы. Забывая об общегосударственных интересах, большинство князей враждовало друг с другом, заботилось только о своих княжествах, о своих личных интересах. Эти междоусобицы князей ослабляли Русь и были выгодны для ее внешних врагов, опустошительные набеги которых были вторым бедствием для русского народа. Такими врагами Киевской Руси XII века были кочевники южных степей — половцы. В течение почти двух столетий, с 1061 г. и до нашествия монголо-татар, которые их покорили, половцы произвели около 60 опустошительных набегов на Русь, не считая мелких. Русь сильно страдала от этих набегов. Поэтому лучшие люди страны, болевшие за Русскую землю и народ, например, Владимир Мономах, его сын Мстислав и другие князья, а также многие дружинники и летописцы, неустанно призывали к единодушному отпору половцам, к защите своей родной земли. «Если, — говорил, например, Владимир Мономах князьям, — мы не прекратим междоусобий, ...то погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, возьмут землю Русскую».

Наиболее действенным средством борьбы с половецкой степью были наступательные походы русских князей против кочевников. В 1184 г. киевский князь Святослав Всеволодович, став во главе нескольких русских князей, провел удачный поход против половцев, разбил их и даже взял в плен хана Кобяка. Для закрепления этого успеха Святослав хотел повторить поход в следующем (1185 г.) и стал готовиться к нему, призывая князей стать под его знамена, чтобы выступить объединенными силами.

Среди других князей обещал помочь Святославу Игорь, князь Новгород-северский. Этот князь был известен своей храбростью и ненавистью к половцам, с которыми он не раз сражался и всякий раз побеждал. Но, не дождавшись лета, когда предполагался поход, Игорь, неожиданно для Святослава, весной 1185 г. вместе со своими ближайшими родственниками-князьями предпринял поход на половцев. Однако на этот раз он был жестоко разбит и вместе со всеми князьями, участвовавшими в походе, попал в плен. Такого ужасного поражения русские никогда не знали. Но этого мало. Воодушевленные победой над Игорем, половецкие ханы Гза и Кончак вторглись в пределы Русской земли и подвергли ее большому опустошению.

Таким образом, неудача похода Игоря была вдвойне тяжела для Киевской Руси. Во-первых, потому, что войско самого Игоря было со-

вершенно разгромлено, во-вторых, потому, что победа над русскими воодушевила половцев, притихших было после похода Святослава, и вызвала их набег на Русь.

Неудачный поход Игоря привлек к себе внимание писателей того времени и послужил темой для трех произведений: двух повестей, помещенных в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, и «Слова о полку Игореве».

С. Флоринский

«Слово о полку Игореве» — небольшое по размерам, но выдающееся по идейному содержанию и художественным достоинствам произведение, написано в конце XII века по поводу неудачного похода новгород-северского князя Игоря Святославовича на половцев в 1185 г. Половцы были кочевым народом, обитавшим в южных степях, по реке Дону и до Кавказа. Русские называли их земли «Половецкое поле». Сами они называли себя кыпчаками. Половцы были опасными соседями Русского государства. Они часто производили набеги на Русь. На своих быстрых степных конях они внезапно появлялись и столь же быстро исчезали. «В один миг половец близко, и вот уже нет его, — писал современный византийский писатель. Сделал наезд и стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня ногами и плетью и вихрем несется дальше».

Набеги половцев были очень опустошительными: половцы разрушали русские города и села и убивали или уводили в плен много русских людей. «Начнет пахать смерд (крестьянин), приедет половчанин, убьет смерда стрелой, возьмет его лошадь, поедет в его село, заберет его жену, его детей и все его добро...» — говорил князь Владимир Мономах, уговаривая других князей на поход против половцев.

Русский народ должен был постоянно думать о защите своих границ. Но обороне страны сильно вредила феодальная раздробленность, уже начавшаяся в Киевском государстве. Государство состояло из 13 больших княжеств, каждое из которых продолжало дробиться на мелкие удельные княжества. Их князья редко действовали вместе и не думали о пользе всей земли, но каждый стремился для себя одного добыть славу и честь и враждовал с другими. «Сами на себя крамолу ковали, а поганые со всех сторон приходили с победою на землю Русскую», — говорится об этом времени в «Слове о полку Игореве». Когда же князья объединялись, они наносили кочевникам сильные поражения.

В 1184 г., за год до Игоревы похода, великий князь киевский Святослав Владимирович, действуя вместе с другими русскими князья-

ми, совершил удачный поход на половцев, разбил их и даже взял в плен хана Кобяка. Поход должен был повториться летом следующего года для закрепления успеха. Этот хорошо задуманный и начатый план был сорван князем Игорем, одним из участников союза русских князей. Без уговора и согласования с руководившим военными действиями киевским великим князем, еще до наступления лета, в апреле 1185 г., он сам предпринял поход вместе с несколькими ближайшими родственниками–князьями: братом Всеволодом Трубчевским, сыном Владимиром Путивльским и племянником Святославом Рьльским. Ему хотелось загладить свою бывшую вину перед русским народом, когда он воевал против Киева, да еще в союзе с половцами, загнать половцев вглубь степей и освободить русское Тмутараканское княжество на Северном Кавказе.

Благородный, но легкомысленный замысел Игоря оказался на редкость неудачным и имел печальные последствия как для него самого, так и для Русской земли. Первое удачное сражение с половцами заманило Игоря далеко вглубь Половецкого поля. Но здесь половцы, превосходившие численностью, со всех сторон окружили русских и в жестокой битве, продолжавшейся три дня, разбили их. Остатки дружины и все четыре князя попали в плен. Такого позора еще не видала Русская земля. Еще важнее было то, что самонадеянный поход Игоря испортил удачно начатое общерусское дело. Вслед за разгромом Игоря половцы сами ринулись на русские земли. «Застонал Киев от печали, а Чернигов от напастей»; снова запылали русские города и села, а многих русских людей угнали в плен, в рабство.

А. Зерчанинов, Н. Порфиридов

Заключение

Основная идея «Слова о полку Игореве» — соби́рание народных сил и подчинение ей враждующих феодалов-князей в интересах усиления мощи государства и народа; эта идея является исторически-закономерным выводом прогрессивного деятеля в эпоху наивысшей феодальной раздробленности.

Автору «Слова о полку Игореве» принадлежит почетное место в истории своего народа; пламенной агитацией он помог великому делу соби́рания народных сил, которые вскоре, может быть еще при жизни певца Игореве похода, противопоставлены были могущественным и опасным монгольско-татарским завоевателям.

С. Бугославский

Значение «Слова о полку Игореве» определяется, прежде всего, его исключительным местом в истории древней русской литературы. Среди ее произведений нет ни одного, которое по своим идейно-художественным достоинствам приближалось бы к «Слову», или, тем более, было бы равно ему. Долгое время оно считалось настолько одиноким и случайным явлением, что вызывало сомнение в своей подлинности.

«Слово» — самое гениальное выражение целого литературного жанра (если не направления) в литературе киевского периода, — жанра светской историко-героической поэмы. По оценке В.Г. Белинского, «Слово» — прекрасный, благоухающий цветок славянской народной поэзии, достойный внимания, памяти и уважения».

Одно из самых высоких мест занимает «Слово» и в ряду крупнейших героических поэм европейской литературы, созданных в эпоху средневековья. По ряду признаков «Слово» сходно с ними: в содержании — тем культом рыцарской чести и воинской доблести, которым окружен каждый образ этих поэм; в форме — той близостью к устному творчеству, благодаря которой каждая из этих поэм стала голосом своего народа.

Автор «Слова» — выразитель интересов всего народа, истинно-народный поэт. Цель автора «Слова» — образами недавнего и далекого прошлого призвать к сплочению народные силы. Поэтому ни одна из средневековых поэм не была в момент своего возникновения таким актуальным, таким жизненно-необходимым для своего народа произведением, каким было «Слово» для русского народа.

Наконец «Слово» отличается от других средневековых поэм своим реализмом: в его сюжете нет участия небесных сил, волшебных мечей, говорящих коней и т. п. Мифологические образы и одушевленная природа являются лишь поэтическими образами, а не движущей силой событий, которые развиваются по своим законам.

Бессмертное творение древней русской литературы, более чем за 8 веков не утратившее силы своего патриотического чувства и художественной красоты, «Слово» переведено на многие языки.

С начала XIX в. «Слово» непрерывно влияло на русскую художественную литературу и общим содержанием своим и отдельными образами. Это влияние сказывается уже у А.Н. Радищева («Песнь Всегласа»). В поэзии Пушкина и его плеяды появляется образ Бояна («Руслан и Людмила»). Влияние «Слова» слышится и в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка». В поэзии XX в. и в частности в поэзии советской эпохи влияние «Слова» сказывается у А. Блока («Новая Америка»), Э. Багрицкого («Дума про Опанаса») и др.

А. Кайев

«Слово о полку Игореве» стоит совершенно одиноко во всей нашей книжной светской словесности древнего периода. «Слово» — оригинальное, самостоятельное произведение. Оно замечательно в поэтическом отношении как по силе изображения событий и их героев, так и по задушевному лиризму, по излиянию чувств самого автора.

Еще важнее это произведение в историческом отношении. Оно высоко по своей идее и патриотическому чувству. Оно все проникнуто русским духом. Оно зовет всех к согласию, единению, пробуждает и укрепляет чувство любви к великой Русской земле, к родине.

Историческая сторона «Слова» важна и интересна, прежде всего, тем, что в нем рассказывается о событиях похода новгород-северских князей на половцев согласно летописи. Но помимо этого, содержание «Слова» представляет единственную дошедшую до нас картину из эпохи междоусобий русских князей. Картина полна исторической истины и является важным источником, в котором дается как общее освещение событий, так и такие частные факты, о которых летопись не упоминает.

«Слово» не только подробно рассказывает об одном из часто повторявшихся тогда печальных происшествий, но и живописует картину жизни дружинно-боярской Киевской Руси. Оно передает думы и чувства наших предков, их воззрения на своих князей; на их усобицы. Оно выражает глубокое сознание единства Русской земли, единства русского народа.

В поэтическом рассказе «Слова» чувствуется любовь наших предков к родине и ее защитникам, восторженное отношение к ее героям; их привязанность к родным полям и лесам, их сочувствие горестям русской женщины.

Точно живой восстает образ русской женщины того далекого от нас века. В «Слове» две ее песни, и обе печальные. В одной из них рус-

ские жены оплакивают гибель войска Игорева:

И восплакались русские жены,
Причитая:
«Уже нам о своих милых родных
Ни мыслию помыслить,
Ни думой подумать,
Ни очами на них поглядеть».

Другая песнь — плач Ярославны об Игоре. Как много здесь поэзии, высокой красоты в укоризнах и мольбах ее к природе. Одинокая, тоскующая Ярославно доверчиво раскрывает свою душу, изливает свои горькие жалобы и сила любви и веры русской женщины вызывает скорое избавление Игоря из плена.

Грустные думы и чувства волновали наших предков в те далекие времена, когда Русская земля, терзаемая усобицами, отбивалась от врагов, на нее наседавших.

В. Пузицкий

Историческое значение поэмы заключается в достоверности изображаемого случая и в правильной передаче всех деталей события.

Описание похода северских князей почти тождественно с рассказом летописи и является подтверждением достоверности летописного рассказа.

Очень ценны личные наблюдения певца, прекрасно передающего дух современной ему эпохи.

Великолепно изображен в «Слове» княжеский мир с его характерными чертами. Все князья, начиная со Святослава киевского и кончая тремя Мстиславичами, — сильные, мужественные, бесстрашные, но редко государственно-мудрые. Один Святослав достойный наследник Владимира и Ярослава.

Характеристики Игоря и Всеволода — прекрасные исторические портреты.

Воззвание Святослава к остальным русским князьям — золотая цепь медальонов: в каждом художественно исполненная миниатюра-портрет.

С замечательным искусством удалось певцу передать живой смысл, психологию и логику главного бедствия древней Руси — усобицы, в связи с духовным миром древнерусского князя.

Глубоко переданы внутренние отношения между князем и дружиной.

Вообще вся поэма ярко изображает исторический колорит эпохи.

«Подобно тому, — говорит Е.В. Барсов, — как Боян, начиная кому песнь творить, уносился фантазией ко временам отдаленным и художественно сочетал свое время с временами древними, и автор «Слова»

сливает в нем свою эпоху — эпоху Игоря и Святослава, с эпохой старой, воспетой Бояном — эпохой Олега и Ярослава. Такое свитие двух эпох проходит через все «Слово», от начала до конца, представляет тот исторический нерв, который связывает его с поэзией Бояна и служит органическим узлом двух литературных направлений. Обе указанные эпохи имеют внутреннюю связь там: в князьях первых времен, воспетых Бояном, лежало начало усобиц, которые выросли такими несчастьями в годину Святослава и Игоря. Гранью, соединяющею обе эти эпохи, служит Владимир Мономах; его относит автор «Слова» к первой године и первым князьям, но именно от него же начинается он и свою собственную повесть: «Почнем же повесть сию от старого Владимира». Говорит ли затем о неслыханных битвах Игоря, вызванных его жадной личной славы и начатых необдуманно, он вводит в эту картину и воспоминание о том, как было «в ты полки и в ты рати», в эпоху Ярослава и Олега, при усобицах, петых Бояном; обращается ли он затем на запад Руси, к славному некогда полоцкому княжеству, он и здесь усобицы своего времени связывает с усобицами времени старого и рядом с Изяславом, князем нынешним, години Святославовой, изображает Всеслава, князя первых времен, воспетых Бояном. Выдвигая самого Святослава, как носителя идеи единой земли русской во время похода Игоря, он, при изображении бедствий, вызванных этим походом, с сожалением вспоминает Владимира Мономаха, который держал знамя этой идеи на тех же горах киевских, в годину первую, при первых князьях, петых Бояном».

Это свитие двух эпох принадлежит к самым драгоценным историческим элементам «Слова».

Н. Григорьев

В «Слове» автор многосторонне отразил жизнь своей эпохи: здесь мы видим тогдашнюю русскую жизнь в самых крупных ее чертах. Поэт представляет не только поход на половцев, но и княжеские крамолы, приносившие много страданий Русской земле; он указывает и на главных участников этой междоусобной борьбы, которые тратили свои силы на гибель русских, вместо того, чтобы соединиться и поражать врагов Русской земли. Поэт рисует и картины из прошедшей жизни, припоминает и славных деятелей ее, отличая тех, которые думали о благе народа, от тех, которые причиняли ему зло. Много воспоминаний накопилось в памяти от его исторической жизни, от старого Владимира до нынешнего Игоря.

Поход Игоря — факт сам по себе незначительный в общем ходе исторических событий; но поэт выбрал его, поддавшись патриотичес-

кому чувству, руководствуясь интересом своего времени. Набеги половцев причиняли столько зла русским, что борьба с ними была народным подвигом. В то время для народной эпопеи нельзя было и выбрать предмета лучше этой борьбы, а поэту, жившему народной жизнью, сочувствовавшему всем народным бедствиям, даже удобнее было остановиться на этом походе, чтобы вокруг него сгруппировать все то зло, из-за которого страдала Русская земля.

Создавая идеал князя, поэт стремился подчеркнуть, что мало одних военных доблестей и всех лучших черт, составляющих идеал воина; с ними должно еще сливаться сознание тесной связи с Русской землей, и отсюда все силы его должны быть направлены на ее благо.

Вот почему поэт выказывает видимое нерасположение к деду Игоря — Олегу, князю весьма доблестному, но не болевшему за Русскую землю.

Вот отчего каждая попытка князя на общее благо возбуждает в поэте восторг до забвения всех бедствий, вызванных прежде тем же самым лицом.

Сознание единства Русской земли, несмотря на ее раздробленность, также ясно высказывается у поэта. Он призывает всех русских князей вступить за землю Русскую, за раны Игоря. Его трогают страдания всего народа, где бы они ни проявились, ему знакомы и дороги славные предания всей земли.

В. Стоюнин

«Слово о полку Игореве» имеет огромное идейное и художественное значение.

Во-первых, оно ценно как правдивая картина феодальной жизни Киевской Руси XI—XII вв. Внутрикняжеские отношения, борьба со степью, положение народа даны в поэме с большой полнотой и исторической точностью. Выразительны и исторически точны портретные характеристики многих древнерусских князей.

Во-вторых, в высокой степени ценна глубокая народность поэмы, выражающаяся в призыве к сплочению всех сил русского народа в деле защиты родины от внешних врагов, в призыве к защите мирного труда народа.

В-третьих, замечательна высокая художественность поэмы, гениально мастерство ее автора. Оно настолько изумительно, что по опубликовании поэмы в печати многие ученые начала XIX в. не сочли возможным видеть в ней произведение XII в. и считали «Слово» позднейшей подделкой — XV, XVIII вв. Такое мнение неверно. Исследования, проведенные русскими учеными над изучением древних русских летописей и других произведений эпохи Киевской Руси, с несомненно-

стью утверждают подлинность «Слова» и его появление в конце XII в. А.С. Пушкин сразу же стал на сторону защитников подлинности «Слова о полку Игореве». Он восхищался «духом древности», которым веет от этого произведения, и заявлял, что русские писатели XVIII в. «не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства». Он указывал также, что в XVIII в. не было таких знатоков древнерусского языка, которые могли бы им писать.

Мнение Пушкина целиком разделял и великий критик Белинский. Он утверждал: «Слово о полку Игореве» — произведение, явно современное воспетому в нем событию, и носит на себе отпечаток поэтического и человеческого духа Южной Руси».

«Слово о полку Игореве» оказало большое влияние на русскую литературу. В XIV веке, во время борьбы с татарами, было создано произведение о Куликовской битве — «Задонщина», на котором сильно чувствуется влияние «Слова».

В XIX в. поэма оказала широкое воздействие на творчество поэтов и прозаиков. У Пушкина, Рылеева, Языкова и многих других писателей появляется образ певца Бояна.

Идейное богатство и художественная красота «Слова» сделали его культурной ценностью всего человечества. Вскоре после опубликования «Слова» было переведено на украинский, белорусский, сербский, хорватский, чешский, болгарский, польский, французский, немецкий, английский, итальянский, венгерский и другие языки.

Особенно восторженный прием встретило «Слово» в славянских странах. Здесь «Слово» чаще всего воспринималось и воспринимается как замечательное произведение не только русской литературы, но и общеславянской. «Читая эту поэму, — говорил знаменитый польский поэт А. Мицкевич, — каждый славянин испытывает ее очарование. Многие из выражений и образов «Слова о полку Игореве» постоянно встречаются у позднейших поэтов русских, польских, чешских... Пока не изменится натура славянина, эту поэму будут всегда считать национальным произведением, она сохранит даже характер современности».

Интерес в зарубежных странах к «Слову о полку Игореве» значительно возрос с конца XIX в. О нем выпускаются отдельные исследования, о нем говорится в книгах по истории русской литературы, помещаются заметки и справки в энциклопедиях и словарях.

«Слово о полку Игореве» вдохновляло композиторов и художников. На сюжет «Слова» композитор Бородин написал оперу «Князь Игорь»; у художника Васнецова есть картины, связанные со «Словом

о полку Игореве».

С. Флоринский

Подлинность поэмы, т. е. принадлежность ее XII веку, давно и твердо установлена наукой. В этой подлинности ни на минуту не сомневался А.С. Пушкин, сам гениальный поэт. Он восхищался поэзией великого произведения и говорил, что такое произведение невозможно «подделать».

«Слово о полку Игореве» действительно является великим памятником русской литературы и культуры. Одна возможность появления подобного произведения уже говорит о высоте русской культуры XII века. Поэма не стоит особняком, она тесно связана и с устной поэзией, и с письменной литературой своего времени. Весьма вероятно, что были и другие, ей подобные, но до нас не дошли. Ведь и «Слово» уцелело случайно в одном экземпляре.

Высокой идейностью и поэтическими достоинствами «Слово о полку Игореве» оказало сильное влияние на русскую литературу. Следы его влияния можно найти во многих произведениях древней русской литературы. В конце XIV века, через 200 лет после написания «Слова», появилась поэма, прямо ему подражавшая — «Задонщина». Еще показательнее влияние «Слова» на новую русскую литературу, сказавшееся у многих писателей XIX века.

Над изучением поэмы трудилось много ученых — литературоведов, языковедов, историков. О ней написано исследований больше, чем о каком-либо другом памятнике.

Будучи великим памятником русской литературы, «Слово о полку Игореве» и в мировой художественной литературе занимает почетное место среди эпических поэм народов Западной Европы и Востока. Со многими из этих поэм «Слово» имеет черты сходства, так как они родились в одинаковых общественно-исторических условиях феодальной эпохи. Пропаганда героизма, воинской доблести, правил рыцарской чести, верности своему князю была в средние века близка и западной, и восточной культуре. Но в мировом героическом эпосе нашей поэме принадлежит свое, только ей присущее место, поскольку в ней сказались черты передовой русской культуры. Это те же черты, что характерны и для нашего устного героического былинного эпоса: гуманность (человечность) при беспощадности к врагам родины, понимание героизма не в личных интересах, а в интересах народных, в защите родной страны от врагов.

Как памятник мирового значения «Слово о полку Игореве» переведено на большинство европейских языков.

А. Зерчанинов, Н. Порфиридов